УДК 811.16'42

Лавицкий Антон Алексеевич
кандидат филологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
правоведения и социально-
гуманитарных дисциплин
Витебский филиал
Международного университета
«МИТСО»
г. Витебск, Беларусь

Anton Lavitski
PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Law, Social and
Humanitarian Discipline
Vitebsk Branch of the International
University «MITSO»
Vitebsk, Belarus
anton_lavitski@mail.ru

НАУЧНЫЙ АППАРАТ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТОЛОГИИ

SCIENTIFIC APPARATUS OF MODERN LINGUISTIC EXAMINATION

В статье критическому анализу подвергаются подходы к пониманию научного аппарата современной лингвистической экспертологии. В частности, рассматриваются такие метакатегории, как объект, предмет, цель и задачи. Обосновывается необходимость их понимания в аспекте дуальной сущности лингвистической экспертизы, то есть как интеграционного исследовательского направления и криминалистической процедуры, изучающих конфликтогенный текст с целью идентификации признаков вербального преступления или обстоятельств расследуемого дела. Предлагаются авторские формулировки указанных метаданных.

Ключевые слова: *юрислингвистика*; *лингвистическая экспертиза*; *вербальное преступление*; *конфликтогенный текст*; *речевой след*; *криминалистика*.

The article critically analyzes approaches to understanding the scientific apparatus of modern linguistic examination. In particular, meta-categories such as object, subject, goal and tasks are considered. The necessity of their understanding in the aspect of the dual essence of linguistic expertise is substantiated, that is, as an integrative research direction and a forensic procedure that studies a conflictogenic text in order to identify signs of a verbal crime or the circumstances of the case under investigation. The author's formulations of the specified metadata are proposed.

Key words: *legal linguistics*; *linguistic examination*; *verbal crime*; conflictogenic text; *speech trace*; *criminology*.

Современная лингвистическая экспертология (СЭЛ) считается относительно молодым исследовательским направлением. Однако наличие внушительного количества теоретических трудов, касающихся этой сферы, и богатого практического опыта позволили в достаточной мере сформировать научный аппарат, в частности метаданные, формализующие лингвоэкспертологию как самостоятельную подотрасль правовой лингвистики.

К метаданным в этом случае мы относим научные категории объекта, предмета, цель, комплекс задач, понятийный тезаурус и методы исследования. Два последних аспекта не будут рассмотрены в данной статье, так как уже аналитически описаны нами в ряде работ.

Подходы ученых к концептуальному пониманию метаданных лингвистической экспертологии имеют некоторые отличия, разнятся, как следствие, и их формулировки. Это обусловлено в первую очередь дуализмом лингвистической экспертизы: одни специалисты пытаются таким образом приблизить ее к юридической сфере, другие указывают на необходимость осмысления лингвоэкспертной деятельности в исследовательской парадигме языкознания. Полагаем, что следует выделить еще и третий подход, в рамках которого предпринимаются попытки уравновесить две предыдущие позиции, представив изучаемые метаданные как уникальные и эксплицирующие в себе лингвистическое и криминалистическое начало.

Такое расхождение в подходах очевидно прослеживается при определении объекта лингвистической экспертизы текста. Хотя, думается, это и не является фатальным для всей отрасли, однако в определенной мере сдерживает дальнейшее укрепление ее позиций и как научного знания, и как прикладного направления.

Имплицитно указывая на подчинительные отношения судебной лингвистической экспертологии криминалистической отрасли, отдельные специалисты выдвигают предложение рассматривать в качестве ее объекта *речевые следы*, которые «содержат криминогенную речевую агрессию» [1, с. 133]. В современных реалиях актуальность подхода обосновывается активной дигитализацией деструктивной коммуникации, для криминалистической идентификации которой используется понятие цифрового следа. «Речевой след» же предлагается использовать по отношению к содержанию деструктивной информации [1, с. 131]. Однако категория речевого следа имеет больше метафорического, нежели научного: в словарях и справочниках такое понятие отсутствует. Кроме того, цифровой след рассматривается в современной экспертологии как «криминалистически значимая компьютерная информация о событиях или действиях ... » [2, с. 35]. Иными словами, категория цифрового следа относится к роду компьютерно-технических судебно-экспертных исследований.

Интересным в аспекте изучаемой проблемы видится подход Государственного комитета судебных экспертиз (ГКСЭ), который определяет в качестве *объекта* лингвистической экспертизы *информационные мате-*

риалы и *речевые коммуникации* [3]. Первый из обозначенных объектов дает отсылку к криминалистической области. Понятие же *речевые коммуникации*, по-видимому, используется для акцента на языковом компоненте лингвистической экспертизы. Суммируя взгляды ученых на речевую коммуникацию, можно заключить, что это комплексное явление включает не только текст как средство общения, но и ситуацию, прагматику взаимодействия, характеристики коммуникантов и т. д. [4, с. 50]. Следовательно, рассматривая речевые коммуникации как объект лингвистической экспертизы, ГКСЭ логично полагает невозможным упускать в процессе проведения специальных исследований ряда значимых экстралингвистических характеристик речевой деятельности.

И все же предложенная ГКСЭ позиция, по нашему мнению, не является компромиссной, то есть способной воплотить дуализм лингвистической экспертологии. Во-первых, наличие двух исследовательских объектов, представленных как равнозначные, но в то же время обособленные друг от друга, лишает единства понимания лингвистической экспертизы как оформившейся научной подотрасли. Во-вторых, информационные материалы фактически являются речевой коммуникацией, так как содержат все указанные выше характеристики (наличие текста, адресата, адресанта, ситуацию взаимодействия и т.д.).

В одной из распространенных трактовок лингвистической экспертизы указывается, что она являет собой «процессуально регламентированное исследование устного высказывания, речевого оборота, письменного текста…» [5, с. 133]. Таким образом, правовая сторона экспертизы закрепляется через ее процессуальный характер, а лингвистическая – через объекты исследования (устное высказывание, речевой оборот, письменный текст). Однако последнее очевидно не приемлемо для эксперта, так как не соответствует терминологическому аппарату языкознания (речевой оборот не зафиксирован как понятийная единица), а равно не отвечает и принципам целостности исследовательского объекта (устное высказывание не всегда равно тексту). По этой же причине неудачной следует признать и следующее определение объекта лингвистической экспертизы: «единицы языка и речи, устные, письменные, электронные тексты, зафиксированные на любом материальном носителе» [6, с. 8].

Наиболее распространенным является подход, в котором актуализируется языковая основа лингвистической экспертизы: в качестве ее объекта называют продукты речевой деятельности [7, с. 80–81]. Такое понимание объекта лингвистической экспертизы нельзя назвать оптимальным в научном плане. Действительно, высказывания «экспертиза продуктов речевой деятельности», «судебное исследование продуктов

речевой деятельности» и т.д. повсеместно распространены, однако, как правило, «речевая деятельность» используется как контекстуальный синоним понятия текста. Здесь следует уточнить, что объект лингвистической экспертизы должен отвечать принципам смысловой цельности. Не всякий продукт речевой деятельности (например, звук) соответствует этому требованию, в отличие от текста, который являет собой «результат говорения или письма, <…> обладает <…> относительной законченностью, связностью…» [8, с. 339]. Таким образом, мы считаем наиболее верным рассматривать в качестве объекта лингвистической экспертизы текст.

Актуальным видится конкретизация типологии текста, направляемого для исследования. В экспертной практике сложилось два подхода. Приверженцы первого не дают терминологической номинации тексту, который изучает специалист, акцентируя внимание на отсутствии требований к его жанровой принадлежности и форме реализации (устные, письменные [9, с. 66]). Согласно второму подходу, изучаемый на экспертном уровне текст принято рассматривать как особую понятийную единицу. С этой целью чаще всего используется термин «спорный текст» (см., например, материалы, внесенные ГКСЭ в Реестр методических материалов в сфере судебно-экспертной деятельности). Но очевидно, что такой подход не лучшим образом эксплицирует юридический компонент понятия, ведь не каждый спор является предметом правового разбирательства.

В режиме синонимической замены ученые также оперируют номинацией «конфликтный текст». Это понятие активно используют А. Н. Баранов, К. И. Бринёв, Г. Г. Слышкин и др. В теории экспертологии отсутствует и общеупотребительная трактовка понятия конфликтного текста. Фактически эта категория понимается широко как источник коммуникативного конфликта [10, с. 64].

Как полный синоним понятия спорного и конфликтного текста в теории лингвоправовых исследований, а также в практике экспертной работы используется и термин «конфликтогенный текст». С нашей точки зрения, именно он является более предпочтительным для лингвоправовой сферы в целом и определения объекта лингвистической экспертизы в частности. Наша позиция обусловлена тем фактом, что словообразовательный компонент *-генный* (лат. *genos* ‘связанный с происхождением’) напрямую эксплицирует значение «порождающий конфликт» [11, с. 140]. Это соотносится с прикладным пониманием СЛЭ, ориентированной на изучение конкретного языкового материала. Понятие конфликтного текста

представляется более широким, так как может включать и тексты, спровоцировавшие конфликт и продуцируемые во время его и даже создаваемые вне конфликтной ситуации [12, с. 103].

Под конфликтогенным текстом как объектом лингвистической экспертизы нами понимается текст, в содержании которого потенциально содержатся признаки или сведения об обстоятельствах нарушения действующего законодательства (признаки или обстоятельства преступления). С юридической точки зрения каждый конфликтогенный текст является и предметом конкретного правового разбирательства, и источником доказательств по нему.

Предложенное определение дает прямую отсылку к еще одной важной метакатегории лингвистической экспертизы – ее *предмету*, в качестве которого мы предлагаем понимать *лингвистические признаки несоответствия содержания конфликтогенного текста правовым нормам или криминалистически значимые сведения об обстоятельствах преступления*. В научной и научно-методической литературе этому аспекту специалисты крайне редко уделяют внимание. В отдельных изданиях его определяют как «установление фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области лингвистики» [6, с. 8]. Такой подход не согласовывается с принципом юридической истины, по которому только суд может решить, является ли доказываемое фактом.

Более последовательной видится формулировка предмета лингвистической экспертизы, предлагаемая ГКСЭ: «Установление смыслового содержания текста, выявление содержащейся в тексте криминалистически значимой информации» [3]. В целом такое понимание рассматриваемой метакатегории соответствует фактической экспертной работе, но является неудачным с позиции теории терминологии, так как отражает исследовательский предмет как деятельность (установление, выявление).

Обращение к предмету исследовательского внимания лингвистической экспертологии заставляет нас далее сосредоточиться на ее цели. Рассматривая лингвоэкспертную работу в первую очередь как прикладное направление, ученые и специалисты-практики зачастую вообще не выделяют ее цель, детализируя содержание экспертной деятельности в решаемых задачах. Отдельные авторы предлагают приближенное к процессуальным аспектам, но отвлеченное от метаисследовательского поля понимание цели судебной экспертизы текста, например, «обеспечение адекватного судебного решения…» [13, с. 69]. Очевидно, что такой подход не соотносится с предметом лингвистической экспертизы и не позволяет полноценно выделить комплекс задач, воплощающих цель.

Отталкиваясь от обобщенного прикладного понимания лингвоэкспертной работы – «установлении смыслового содержания текста» [14, с. 179], цель специального исследования конфликтогенного текста в научной литературе рассматривается как «определение соответствия (несоответствия) устных или письменных выражений нормам права» [15, с. 239].

В целом соглашаясь с представленными определениями, мы предлагаем схожую, но более широкую формулировку цели лингвистической экспертизы: *выявление наличия в конфликтогенном тексте лингвистических признаков несоответствия содержания конфликтогенного текста правовым нормам или криминалистически значимых сведений об обстоятельствах преступления*.

Разработанное нами определение видится оптимальным с точки зрения его соответствия исследовательскому предмету, а также корреляции с комплексом теоретических и прикладных задач лингвоэкспертологии, система которых чаще всего оформляется автором в соответствии с собственным видением объекта, предмета и цели специального исследования. Перечень лингвоэкспертных задач не является закрытым и может пополняться по мере расширения компетентностных возможностей юрислингвистической подотрасли.

Анализ источников показывает, что здесь можно выделить два подхода. Согласно первому, авторы только отражают перечень типовых исследовательских задач лингвистической экспертологии [6, с. 9]. При описании комплекса задач представители второго подхода ориентируются на традиции криминалистики, где их принято группировать по функциональному признаку. Однако полифония имеющихся мнений и подходов не позволяет декларировать наличие унифицированной классификации экспертных задач. В общей теории криминалистики выделяют следующие задачи экспертизы (см., например, [16, с. 53]):

- общие (решение вопросов организации и проведения специального исследования);
- специальные/типичные (задачи, решаемые в отношении отдельных объектов);
- конкретные (задачи, относящиеся к конкретному виду экспертного исследования или поставленные для разрешения на конкретном этапе расследования (временные, по Р. С. Белкину).

Общие (фундаментальные) задачи судебно-экспертной работы лингвиста актуализованы на теоретическом уровне и включают описание и верификацию методологического исследовательского инструментария, вопросы нормализации терминологического аппарата и др. Специальные и

конкретные задачи, решаемые в рамках самостоятельного вида экспертизы, имеют статус прикладных и делятся на классификационные, идентификационные и диагностические (некоторые исследователи дополнительно выделяют ситуационные [17, с. 39] и др.).

Прикладные задачи лингвистической экспертизы зачастую конкретизируют вопросы, ставящиеся органами следствия и дознания, судом, перед специалистом. Так, диагностические задачи решаются при установлении пространственно-временных характеристик коммуникативного взаимодействия, механизмов его реализации (например, наличие в содержании текста призывов к разжиганию вражды и розни). Идентификационные задачи лингвистической экспертизы эксплицируются в изучении семантики конфликтогенного текста (например, наличие негативной характеристики личности). Классификационные задачи экспертной работы связаны с вопросами принадлежности языковых единиц к определенному классу (например, соответствие лексемы приличной форме). Ситуационные задачи разрешаются при описании способа совершения вербального преступления (например, установление характеристики открытости/закрытости канала речевого взаимодействия).

Анализируя предлагаемые подходы к пониманию метаданных лингвистической экспертизы, можно сделать вывод о том, что в отдельных случаях неудачно используются терминологические формулировки, в других обнаруживаются проблемы несогласованности научных категорий друг с другом, в третьих авторское видение абстрагировано от конкретных явлений исследовательского поля, др.

Нами, в свою очередь, предложена цельная система описания метаданных лингвистической экспертологии, которая учитывает специфику научной отрасли, то есть не противоречит теории языкознания и соотносится с ее правовым статусом. Так, в качестве объекта предлагается рассматривать конфликтогенный текст как текст, в содержании которого потенциально содержатся признаки или сведения об обстоятельствах нарушения действующего законодательства (признаки или обстоятельства преступления).

Объект лингвистической экспертизы конкретизируется в предмете (лингвистические признаки несоответствия содержания конфликтогенного текста правовым нормам или криминалистически значимые сведения об обстоятельствах преступления). Формулировка научного предмета коррелирует с исследовательской целью (выявление наличия в конфликтогенном тексте лингвистических признаков несоответствия содержания конфликтогенного текста правовым нормам или криминалистически

значимых сведений об обстоятельствах преступления), которая реализуется в комплексе решаемых задач. Их разнообразие, в свою очередь, типологизируется в традициях криминастистики на общие, типичные и конкретные. Первые связаны с разработкой и верификацией методологического инструментария, нормализацией терминологического тезауруса, регулированием вопросов проведения специального исследования конфликтогенного текста и т.д. Среди общих и типичных задач выделяются диагностические, идентификационные, классификационные и ситуационные. Конкретизируются они в вопросах, ставящихся на разрешение эксперту.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никишин, В. Д.* Цифровые и речевые следы в аспекте обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности в Интернет-среде / В. Д. Никишин // Судебная экспертиза. – 2020. – № 1(61). – С. 131–139.
2. *Россинская, Е. Р.* Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации / Е. Р. Россинская // Вестн. ун-та им. О. Е. Кутафина. – 2019. – № 5(57). – С. 31–44.
3. Лингвистическая экспертиза // Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь. – URL : https://sudexpert.gov.by/ru/lingvo_exp.html. (дата обращения 17.11.2024).
4. *Нагорняк, А. А.* Структура речевой коммуникации / А. А. Нагорняк // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 6 – С. 49–52.
5. *Галяшина, Е. И.* Судебная лингвистическая экспертиза материалов экстремистско-террористической направленности : квалификация и компетенции судебного эксперта-речеведа / Е. И. Галяшина, В. Д. Никишин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 4(89). – С. 130–139.
6. *Ярощук, И. А.* Лингвистическая экспертиза : учеб. пособие / И. А. Ярощук, Н. А. Жукова, Н. И. Долженко. – Белгород : ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2020. – 96 с.
7. *Никишин, В. Д.* Объекты судебной лингвистической экспертизы : новые вызовы криминогенной Интернет-коммуникации / В. Д. Никишин // Вестн. ун-та им. О. Е. Кутафина. – 2020. – № 6(64). – С. 79–88.
8. *Азимов, Э. Г.* Новый словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : Рус. яз. Курсы, 2018. – 496 с.

9. *Галяшина, Е. И.* Назначение, производство и оценка заключения судебной лингвистической экспертизы : метод. рекомендации / Е. И. Галяшина // Цена слова : Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Гильдия лингвистов-экспертов по док. и информ. спорам. ; Фонд защиты гласности ; авт.-сост.: А. Н. Баранов [и др.] ; отв. ред., авт. предисл. М. В. Горбаневский. – 3-е изд., испр. и доп. –М. : Галерия, 2002. –419 с
10. *Ли, В. С.* Лингвистическое исследование конфликтного текста в юридической практике / В. С. Ли, Р. Д. Карымсакова, Р. Б. Тапалова. – Алматы : Казах. нац. ун-т им. аль-Фараби, 2008. – 146 с.
11. *Макаренко, Г. С.* О соотношении понятий «конфликтогенный» и «конфликтный» текст в рамках изучения юрислингвистики / С. Г. Макаренко // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований казанской лингвистической школы : тр. и материалы междунар. конф. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Э. А. Исламовой. – Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2018. – Т. 1. – С. 139–142.
12. *Белоус, Н. А.* Конфликтный дискурс vs конфликтный текст / Н. А. Белоус, Н. В. Осколкова / Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. – 2007. – Вып. 4. – Ч. II. – С. 96–107.
13. *Кара-Мурза, Е. С.* Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики / Е. С. Кара-Мурза // Политическая лингвистика. – 2009. – № 1(27). – С. 47–71.
14. *Дединкин, А. Л.* Правовое и научно-методическое обеспечение судебной лингвистической экспертизы в Республике Беларусь: состояние, проблемы и пути их решения / А. Л. Дединкин // Учен. зап. УО «ВГУ имени П.М. Машерова». – 2023. – Т. 37. – С. 177–181.
15. *Горбатенко, О. Г.* Виды лингвистической экспертизы в юриспруденции: цель и результаты / О. Г. Горбатенко, Т. В. Василёва // Проблемы экономики и юридической практики. – 2016. – № 1. – С. 239–243.
16. Общая теория судебной экспертизы : учеб. пособие / Д. Ю. Вельможко [и др.]. – Ростов н/Д : Аспект, 2018. – 96 с.
17. *Майлис, Н. П.* Введение в судебную экспертизу : учеб. пособие / Н. П. Майлис. – 2-е изд. – М. : ООО «Издательство «Юнити-Дана», 2016. – 159 с.

Поступила в редакцию 10.12.2024